

Кашеева могила

Автор:

[Илья Деревянко](#)

Кашеева могила

Илья Деревянко

«Начало этой истории уходит корнями в глубокое прошлое, когда Иван-Царевич (по другой версии Иван-Дурак) разыскал яйцо, в котором хранилась смерть Кашея Бессмертного, сломал иглу, и злодей помер!..»

Илья Деревянко

Кашеева могила

Пролог

Начало этой истории уходит корнями в глубокое прошлое, когда Иван-Царевич (по другой версии Иван-Дурак) разыскал яйцо, в котором хранилась смерть Кашея Бессмертного, сломал иглу, и злодей помер! Грянулся он оземь в глухом лесу, неподалеку от маленькой деревушки, основанной беглыми каторжниками и вышедшими на пенсию разбойниками, – да так сильно, что листья посыпались с деревьев, а в избе Федьки Кривого, бывшего некогда атаманом, а сейчас – кем-то вроде старосты, свалилась со стола огромная бутылка самогона, на которую он в данный момент вожделенно взирал, собираясь употребить вовнутрь. Вид любимого напитка, разлившегося по полу бесформенной лужей, привел Федьку в такую ярость, что он тут же кинул клич, созывая народ, дабы покарать неизвестного супостата. Когда жители деревни, вооруженные кистенями, ножами и дубинами, прибыли к месту происшествия, оказалось, что супостат

мертв. Это был высокий, худой, как скелет, старик, одетый в переливчатый кафтан неизвестной ткани, усыпанной золотом и драгоценными камнями. Их блеск привел разбойников в неопишное волнение, но что-то мешало ограбить мертвеца.

От него исходила такая мощная аура зла, что и у закоренелых душегубов зашевелились волосы на голове, а некоторые даже перекрестились. Тут кое-кто припомнил бабушкины сказки, и покойника наконец опознали.

– Это же Кашей Бессмертный, – пробормотал бывший монах Игнатий, изгнанный из монастыря за пьянство и пристрастие к слабому полу, – прибили-таки гада! Не подходи! – крикнул он одному из наиболее храбрых разбойников, решившемуся снять с Кашеевой шеи золотой медальон. – Навеки проклят будешь!

В бытность свою в монастыре Игнатий как-то нашел древнюю рукопись^{[1} - Рукопись эта, к сожалению, до сих пор не найдена. Очевидно, сгорела во время очередного татарского набега. (Здесь и далее примечания автора.)], где говорилось о вечном проклятии, которое падет на голову каждого, кто притронется к Кашеевым сокровищам. В чем оно заключается, Игнатий точно не уразумел, поскольку мучился с похмелья. Понял только, что выйдет наружу и примет самые жуткие формы зло, заключенное в душе. Проклятие не страшно было лишь человеку набожному, безгрешному, но таковых, как подозревал Игнатий, среди жителей деревни не имелось.

Все это он вкратце объяснил односельчанам. Бывший монах пользовался у них уважением благодаря грамотности и недюжинной физической силе, поэтому люди не стали притрагиваться к мертвецу, а завалили тело камнями да насыпали сверху высокий могильный холм, в вершину которого вбили для верности осиновый кол.

Прошли годы, затем века, известия об этом событии почти стерлись из памяти потомков, сохранившись лишь в виде смутных преданий, в которых весьма туманно говорилось о могиле Кашея, золоте и каком-то проклятии.

Благодаря этим легендам городок, выросший на месте деревушки, был именован Кашеев. Так он и назывался вплоть до пришествия Советской власти. Комиссару Кацману, освободившему город от белых, которых там, по правде сказать, и не

было, название Кашеев показалось недостаточно революционным, и городок был переименован в Краснокашеев.

Лишь во второй половине 80-х годов, в период перестройки и гласности, городу было возвращено историческое название. А в начале 90-х в Кашеев прибыла археологическая экспедиция во главе с профессором Неустроевым. Сергей Сергеевич Неустроев, несмотря на ученую степень доктора наук и профессорское звание, в практической археологии не особо преуспел, так как почти все время уделял интригам против своих коллег, и потому на раскопках бывал редко. Единственной его существенной находкой являлась баранья кость шестнадцатого века, обгрызенная каким-то опричником Ивана Грозного и выброшенная оным в окно собственной усадьбы.

Несколько лет спекулировал Неустроев на этой кости, сочинил монографию, ряд статей, но наконец понял, что тема себя исчерпала. Нужно было что-то свежее, неординарное, могущее привлечь внимание ученых, желательно зарубежных, и, случайно наткнувшись на легенду о Кашеевой могиле, Сергей Сергеевич ухватился за нее как утопающий за соломинку.

Несколько месяцев проползал он на четвереньках в окрестностях города и наконец обнаружил полуосыпавшийся холм, в вершину которого была вбита какая-то трухлявая деревяшка.

Поиски профессора не ускользнули от внимания местных властей, а именно мэра города (в прошлом секретаря райкома) Аркадия Кимовича Шевцова и начальника отделения милиции капитана Георгия Андреевича Катова, которого местные жители называли втихомолку Гадовым. Обе высокопоставленные особы пожелали присутствовать при вскрытии могилы.

Студенты и аспиранты, составлявшие рабочую силу экспедиции, усердно работали лопатами, раскидывая слежавшуюся землю, пока наконец не показалась куча больших валунов, из-под которой что-то поблескивало.

– Посторонних попрошу удалиться! – завопил Катов, немедленно окружая поляну усиленным нарядом милиции. Под посторонними он подразумевал всех, кроме себя, мэра и, ну да хрен с ним, профессора.

– А то еще разворуют, сволочи! – пояснил оставшимся свои действия капитан.

Подгоняемые матюгами и ударами резиновых дубинок, археологи уныло побрели к городу.

– За работу, бездельники! – рявкнул Катов на подчиненных, и те, замороженные свирепым взором начальства, раскидали груды камней в мгновение ока. Тогда-то присутствующие и увидели Кашея. Тот сохранился великолепно, как будто не пролежал мертвым многие сотни лет.

– Вот это да!! – прошептал мэр Шевцов. – До чего на нашего областного прокурора похож! Надо его в краеведческом музее выставить, все ж таки в некотором роде основатель города! – немного поразмыслив, добавил он.

– Раз, два – взяли! – не долго думая, скомандовал Катов.

Но когда люди притронулись к Кашею, они на мгновение замерли, охваченные леденящим ужасом. Губы покойного растянулись в ехидной усмешке, а из груди вырвался хриплый издевательский хохот. В тот же момент тело рассыпалось в прах.

– Га-галлюцинация, бы-бывает! – заикаясь, пробормотал профессор.

Несмотря на то, что Кашей рассыпался, одежда и драгоценности остались в полной сохранности. С целью обеспечения безопасности от возможных злоумышленников, а также до получения указаний из центра их было решено перенести в отделение милиции.

Это и послужило началом тех страшных, фантастических событий, о которых мы хотим рассказать читателю.

Глава 1

– Наша фирма «Мираж» является лучшей туристической фирмой в России и ближайшем зарубежье. – Перед группой туристов катался жирным колобком глава фирмы Борис Яковлевич Шуллерман.

Он возбужденно размахивал короткими сальными ручками, поминутно тыкая ими в огромный плакат, на котором был изображен акварелью суперотель, стоящий посреди хвойного леса на высоком холме. Рядом с отелем виднелись шикарный теннисный корт, крытый плавательный бассейн и прочие прелести туристической цивилизации.

– Трехразовое питание, превосходящие по качеству блюда лучших валютных ресторанов столицы, сауна, бильярд! Каждый номер оборудован кондиционером, телефоном, цветным телевизором, видеомагнитофоном, стереосистемой, отдельной ванной. Вам неслыханно повезло, господа! И всего каких-то жалких 700 долларов в месяц!

Борис Яковлевич перевел дух. Это была шестая и последняя группа туристов, которую он отправлял сегодня, поэтому язык господина Шуллермана изрядно устал от вранья. Дело в том, что все вышеописанные красоты существовали только на акварельном плакате. Это была самая ловкая афера, придуманная им за последнее время.

Группы туристов отправлялись все в один день по липовым маршрутам взятыми напрокат автобусами. Водители, решившие подхалтурить, не были в курсе шуллермановских махинаций. Каждому выдали карту, на которой жирным кружком изображался мифический отель. Что там находится на самом деле, не знал никто, даже господин Шуллерман. Впрочем, данное обстоятельство его абсолютно не беспокоило, поскольку уже сегодня ровно в 18 ч. 30 мин. он должен был сидеть в мягком кресле авиалайнера, направлявшегося к земле предков. Когда разгневанные туристы и обманутые водители (им обещали заплатить позднее) вернутся, Борис Яковлевич будет далеко. Восхищенный этой мыслью, он тихонечко хихикнул, потирая ладошки.

– Короче, колобок, когда выезжаем?! – буркнул один из туристов, высокий мускулистый парень.

Борис Яковлевич хотел было возмутиться по поводу столь некорректной реплики, но, встретившись с тяжелым взглядом холодных серых глаз, прикусил язык, мгновенно сообразив, с кем имеет дело. Зверская физиономия, боксерский нос и косой шрам на щеке не оставляли сомнения в том, что это либо бандит, либо офицер ОМОНа. Скромно потупившись, Шуллерман доложил, что автобус прибудет через полчаса. Удовлетворенный этим, парень отвел глаза.

Проницательный Борис Яковлевич оказался прав. Виктор Светлов действительно был бандитом, причем весьма известным в определенных кругах. С трудом выкарабкавшись из очередного запоя, он решил поправить расшатанные нервы и таким образом очутился в сетях фирмы «Мираж». Масляная физиономия Шуллермана Вите не нравилась, но еще больше не хотелось ему идти домой, где обрывали телефон осточертевшие любовницы и высилась гора немытой посуды.

Проглотив три таблетки элениума, чтобы подавить внезапно вспыхнувшее желание выпить, Витя принялся разглядывать остальных членов группы.

«Две девицы: одна миловидная, в элегантном платье (не иначе валютная), другая вульгарная, ярко размалеванная (дешевка!); почтенная супружеская чета общим весом килограммов двести пятьдесят (хрен с ними!); крикливо одетый юнец с претензиями на крутость, но трусоватой рожей (мелкий барыга, спекулянт!); свинорылый бугай (прапор, небось нажился, падло, на конверсии!); низенький толстый тип с глазами хорька и злобненькой улыбочкой (до чего на гаишника похож!) и, наконец, два прилизанных молодых человека во франтоватых костюмах и с блудливыми глазами. Явно бизнесмены из разряда вечных должников (ух вы, мои хорошие, жаль что на отдыхе я!)». Составив для себя таким образом мнение об окружающих, Виктор лениво развалился в кресле с сигаретой в зубах[2 - Как мы увидим в дальнейшем, он оказался прекрасным психологом.]

За окном слышался шум подъехавшего автобуса.

– А вот и транспорт, господа, – расплылся Шуллерман в лучезарной улыбке.

Туристы заторопились к выходу. Последним вышел Витя.

– Ах, козел, ты нас что, на кладбище везти собрался?! – зарычал он, хватая Шуллермана за шиворот. Автобус оказался похоронным, фирмы «Ритуал».

– С транспортом пробле... – заблеял было Борис Яковлевич, но осекся. Железная рука тисками сдавила ему горло.

– Вы что себе позволяете, гражданин! – взвился было «хорек», но, услышав в ответ «Глохни, падло!», замолчал, внезапно вспомнив, что при нем нет ни формы, ни пистолета, ни удостоверения.

Полузадушенный Борис Яковлевич хрипел, прощаясь с жизнью, когда Витя отшвырнул его в сторону.

– Черт с тобой, живи пока, – пробурчал он, остывая, и первым полез в автобус. «Не стоит зря трепать нервы, отпуск все-таки», – подумал про себя Витя, удобно устроился около окна и задремал. Когда остальные туристы, несколько смущенные произошедшим инцидентом, заняли свои места, автобус, старчески пыхтя и дребезжа изношенными деталями, двинулся в путь.

Близился вечер. Дорога, если можно так назвать пыльную, покрытую колдобинами просеку в лесу, петляла среди деревьев. Судя по времени и по карте, суперотель должен был находиться где-то рядом. Витя с хрустом потянулся, открывая глаза.

– Ну что, скоро? – лениво обратился он к шоферу. Тот кивнул, не отрываясь от карты.

– А ведь Шуллерман обманул нас, придурков, – вдруг хрипло, зло рассмеялся Светлов, бросив короткий взгляд в окно. – Лес-то явно не хвойный!

Лес был действительно не хвойный и какой-то уж очень мрачный. Ветви деревьев, кривых и полузасохших, уныло нависали над дорогой. Трава была блеклой и пыльной. Вдали послышался волчий вой.

– Мне страшно, – пискнула одна из девушек, а все остальные почувствовали себя неуютно.

– Ты прав, парень, нас действительно крупно провели, – обернулся к Вите шофер, останавливая автобус. – Вот то место, где, судя по карте, должен находиться отель.

Туристы вылезли из машины. Они очутились посреди большой поляны. Тут и впрямь высился холм, но отеля на нем не было. Более того, на поляне не было вообще ничего, кроме покосившегося указателя, сообщавшего, что город Кашеев располагается в двух километрах отсюда.

Некоторое время все туристы дружно ругались, выдумывая для проходимца Шуллермана самые изощренные пытки. Изобретательность этих благопристойных господ заставила бы помереть от зависти любого садиста высшей квалификации. Один лишь Витя хмуро молчал. Наконец накал страстей пошел на убыль.

- Зря орете, бараны, - пробурчал Светлов. - Шуллермана теперь не достать, не такой он дурак, чтоб, захапав денежки, нас, олухов, дожидаться!

- Что же делать? - жалобным хором взывала толстая супружеская чета.

- Что делать, что делать! До дому добираться!

- А бензин-то кончается, - вставил свою реплику шофер.

Это вызвало новый взрыв ругани.

- Рядом город, там можно заправиться, - остудила пыл честной компании одна из девушек, та, которая не размалеванная.

Кряхтя от старости и усталости, автобус снова тронулся с места. Дорога понемногу расширялась, постепенно приобретая более приличный вид. Показались первые дома и при самом въезде в город - застекленная будка поста ГАИ. Около нее на обочине стояло несколько машин различных марок, но ни гаишников, ни пойманных бедолаг-водителей почему-то видно не было. Весь асфальт около будки и ступеньки, ведущие внутрь, покрывали бурые пятна, подозрительно напоминающие кровь.

«Пришили небось легавых, - ехидно подумал Витя, - вот потеха-то!»

По правде сказать, городок казался весьма странным. На улицах не было видно ни одной живой души, а все окна плотно закрыты ставнями. Даже двухэтажный дом, покрытый облезлой красной краской, не подавал признаков жизни, хотя вывеска на дверях и пара «воронков» у подъезда ясно свидетельствовали, что это отделение милиции.

Притихшие туристы удивленно поглядывали в окна.

– Может, у них тут эпидемия была? – проскулила размалеванная девица.

– Сама ты эпидемия! – ответил свинорылый бугай тонким, визгливым голосом, в котором чувствовался плохо скрытый страх.

– Где ж в этом е...ном городишке заправка? – неожиданно зарычал разъяренный водитель. Он уже ясно представлял, какой скандал закатит ему дома жена-мегера.

Автобус выполз на центральную площадь города, последний раз чихнул мотором и заглох.

– Кина не будет, кинщик спился, – вынес свое резюме Светлов и хрипло захохотал. – Ха-ха, ну и лох[З - Дурак, простак, недотепа (на блатном жаргоне.)] же я, ну и мудила, на такую дешевку купился! Братва со смеху околеет!

Остальные не разделили Витиново веселья, принявшись каждый по-своему выражать возмущение. Шофер долго возился с мотором и вылез оттуда через полчаса, грязный и злой как черт:

– Кина действительно не будет, здесь ремонта на два дня!

– Надо искать ночлег, – наконец отсмеявшись, додумался Витя.

После бурных дебатов (кое-кто предлагал остаться в автобусе, а то вдруг шофер врет, возьмет да и уедет налегке!) люди выбрались наружу. Площадь оказалась маленькой и порядком загаженной. Судя по всему, местные дворники вымерли еще раньше динозавров. Слева высилось здание мэрии. Перед ним красовался памятник Ленину, около которого валялись какие-то объедки, а справа (о счастье!) двухэтажное здание с покосившейся вывеской: кооперативная гостиница «Мечта». Все двинулись по направлению к ней, правда, похожий на хорька толстячок, в котором Светлов безошибочно распознал гаишника, что-то злобно шипел насчет буржуев.

Так же, как и весь город, гостиница производила странное впечатление. На дверях и закрытых ставнями окнах были прибиты большие деревянные кресты, а в остальных местах, где только можно, развешаны гирлянды чеснока.

Звонок долго надрывался внутри на первый взгляд пустого здания, пока, наконец, не послышались чьи-то тяжелые шаги. Скрипучая дверь медленно отворилась. На пороге показался огромного роста бородатый мужик. В руках он держал охотничий полуавтоматический карабин и угрюмо разглядывал наших туристов.

– Пули двенадцатого калибра, – после некоторого молчания сообщил он и неожиданно добавил: – Серебряные!

– Ты чего, земляк, с цепи сорвался? – поразился шофер. – Мы только переночевать хотели!

Мужик опять задумался, затем, не снимая пальца со спускового крючка, искоса глянул на часы.

– До заката пятнадцать минут, значит, они не из «этих», – пробормотал здоровяк себе под нос и уже громче пригласил: – Заходите.

Глава 2

Туристы расселись в столовой около электрического камина и, дожидаясь ужина, принялись знакомиться. Чтобы не утомлять читателя, скажем, что профессии их Витя определил абсолютно верно.

Проститутку звали Света.

Размалеванную – Марина.

Братьев коммерсантов – Сергей и Аркадий Рыбаковы.

Гаишника – Семен Учватов.

Мелкого барыгу – Федя Палихин.

Толстых супругов – Анна Матвеевна и Владлен Изотопович Марципановы.

Свинорылого прапорщика-ворюгу – Александр Воеводин и, наконец, шофер назвался Колей.

Для полной ясности остается лишь добавить, что «размалеванная дешевка» оказалась дочкой богатых родителей и студенткой престижного института, а Марципановы – руководящими сотрудниками мясокомбината. (Естественно, что профессию свою назвали не все, это я вам сообщаю так, по секрету, только вы никому, ладно?!)

Вскоре появился хозяин гостиницы и выдал каждому по бутерброду с колбасой, по тарелке яичницы и стакану чая.

– Уж не обессудьте, что не густо, – виновато произнес он, – с продуктами здесь туговато!

Тем временем полностью стемнело. Туристы уже почти прикончили скудную трапезу, как вдруг ночная тишина за окном ожила, причем самым что ни на есть непотребным образом. Где-то рядом послышался скулеж, визг, вой целой стаи шакалов. Это было настолько неожиданно, что все невольно вздрогнули, даже выдавший виды Светлов. Любопытные девицы моментально прилипли к щелям в оконных ставнях. Взорам их представилась удивительная картина. Вокруг памятника Ленину расселись кружком несколько шакалов, а точнее, шестеро. Подняв морды к лику вождя и преданно глядя на него, они визжали на разные голоса. Громче всех изливал свою любовь самый крупный зверь, тут девицы разом протерли глаза, и он был в очках!

Омерзительный концерт продолжался минут пять и наконец стал стихать, очевидно, певцы выдохлись.

– Простите, дорогой Владимир Ильич, – сказал очкастый шакал человеческим голосом, – нас ждут дела, но мы еще вернемся, споем революционные песни!

Тут слабонервная Марина хлопнулась в обморок, а более хладнокровная Света, много в своей жизни гадости повидавшая, разинув рот, уставилась на хозяина гостиницы.

– Очкастый – наш мэр Шевцов, остальные его сотрудники, – как ни в чем не бывало объяснил тот. – Днем Шевцов сидит в мэрии, городом управляет, а ночью... ну, ты сама видела! Самый поганый из них, детей ворует, сволочь, у остальных на это силенок не хватает, они все больше по части домашней птицы. Вот и у меня двух кур уперли на днях.

– Слышь, мужик, как тебя, Вася? Что здесь за херня творится? – спросил Светлов, в то время как остальные туристы были либо полностью шокированы, либо (это Учватов и Марципановы) скептически хмыкали, многозначительно вертя пальцем у виска.

– Повертите, повертите, – бросил им Вася, – может, подкрутите гайки, мозги и заработают. А творится здесь...

Тут речь его прервал жалобный вопль на улице, который тут же был заглушен дьявольским хохотом и улюлюканьем.

– Это наши гаишники, – хладнокровно пояснил Вася, – опять какого-то беднягу проезжего поймали, кровь высасывают.

– Так это они везде так, – понимающе хмыкнул Витя.

– Да нет, у нас это в прямом смысле делается...

– Как вы смеете оскорблять правоохранительные органы, – взвизгнул Учватов, – я как офицер милиции...

– Если ты «как офицер милиции» еще раз пасть свою поганую разинешь, – поднялся с места Светлов, – я тебя, падло, в сортире утоплю. Есть тут деревенский сортир? – обернулся он к Васе. Тот кивнул. – Ну вот, там и сдохнешь, мусор!

Учватов в ответ благоразумно промолчал и забился в угол, бросая оттуда злобные взгляды.

– Значит, ты спрашиваешь, что здесь творится? – спокойно продолжил хозяин гостиницы. – Что ж, послушай...

Тут он изложил потрясенным гостям историю с Кащеевыми сокровищами, начало которой уже известно читателю, поэтому мы его опускаем и начнем с того момента, когда золото было доставлено в отделение милиции.

«...Когда золото принесли в отделение, а было это сразу после захода солнца, со всеми, кто к нему притронулся, стали происходить странные метаморфозы. У ментов выросли клыки и появилась жажда крови. Лишь один, самый молодой – хороший был мальчик – остался в прежнем облике. Ну, они его тут же загрызли! Мэр с профессором взвизгнули, перевернулись через голову и стали шакалами-оборотнями. Мэр Шевцов, обнаружив в профессоре родственную душу, немедленно зачислил его к себе в штат. Менты днем дрыхнут, а от заката до восхода солнца охотятся на людей. В первую же ночь они изловили и высосали кровь у нескольких местных алкашей, после чего три дня блевали денатуратом. Теперь в основном хватают проезжих водителей, те вкуснее, так как большей частью трезвые. Видели пятна крови у поста ГАИ? То-то же! Излюбленное место охоты. Шевцов, как и собирался, выставил Кащеевы сокровища в краеведческом музее. Каждому разрешено потрогать их, а если хочешь – забрать.

Приватизация, мол! Люди, конечно, сразу насторожились, тем более что слухи у нас быстро расходятся, но некоторые клюнули: кто из глупости, кто из жадности, а кто из подхалимства, как сотрудники мэрии, например. Ну, само собой, каждый стал тем, кем был в душе. Например, рэкетир местный, недавно с отсидки вернувшийся, в волка-оборотня превратился. Двух торгашей здешних, Барыгина и Автандилова, сожрал, паразит, даже костей не оставил. Правда тех, кто дань платить согласился, не трогает, да и обычными гражданами брезгует, костлявые, дескать...»

За дверью послышалось глухое, требовательное рычание.

– А вот он, собственной персоной! – Тяжело вздохнув, Вася достал из холодильника баранью ляжку и пошел открывать дверь.

На пороге появился огромных размеров волчина, глаза которого горели зеленым пламенем. Он важно принял подношение, но есть не торопился, внимательно оглядывая присутствующих. Бизнесмены съежились. Глаза оборотня остановились на Светлове.

– Витька, кореш! – восторженно завопил он и, перекувыркнувшись через голову, превратился в здорового детину, усеянного наколками.

– Женька, Круглов?! – в свою очередь удивился тот, и оба бандита кинулись обниматься.

– Мы с ним вместе на киче парились[4 - Сидели в тюрьме.], – по ходу дела объяснил Светлов.

Некоторое время уголовники тискали друг друга в объятиях, поминая общих знакомых: кто вышел, кто еще сидит, кого завалили[5 - Убили.]... При этом Женька время от времени жадно поглядывал на коммерсантов, отчего те начинали трястись как в лихорадке.

– Интересные дела у вас здесь творятся, – сказал Витя, когда взаимные восторги несколько поутихли. – Особенно меня прикалывает шакал в очках, – Светлов захохотал, – что, все коммуняки такими стали?

– Да нет, – ухмыльнулся Женя, – эти шакалы только по ночам преданность Ильичу выражают, а днем, как и положено, за демократию ратуют, с пеной на губах о гласности кричат. Зато есть у нас один непримиримый, не поступившийся принципами, товарищ Рожков. Он раз в неделю собирает алкашей, выдает им по бутылке, и они день-деньской носятся с красным флагом вокруг мэрии. Правда, товарищ Рожков хоть не поступился принципами, да на Кашеевы богатства польстился. Поэтому каждую ночь он превращается в чурбан и так стоит до утра. Шакалы, которым Рожков своими демонстрациями жизнь отравляет, ночью не упускают случая помочиться на него. От этого Рожков становится еще непримиримее. Гы-гы-гы!..

В углу слышалось какое-то шуршание, и через комнату пулей пронеслась большая крыса.

– У, сволочь! – зарычал хозяин гостиницы, метко запустив в нее подвернувшимся под руку утюгом. Взвизгнув, крыса скрылась в норе.

– Опять подслушивал, гад! – констатировал Женя.

– Все сообщу в соответствующие органы, вы у меня ответите по закону! – злобно пропищала крыса откуда-то из-под пола.

- Тоже оборотень? - спросил Витя.

- А как же, это Сережа Нелипович: по убеждению сталинист, по профессии архивист, по призванию - стукачок. Ночью подслушивает, подсматривает, а днем строчит доносы. Правда, их никто не читает: ментов, кроме крови, ничего не интересует, а гэбэшник здесь всего один, да и тот днем спит, а ночью в образе лисы скрывается в неизвестном направлении. Чем он там занимается, никто не знает, весь засекречен, но ему явно не до Сережиных писулек.

В этот момент дверь затрещала под тяжелыми ударами.

- Откройте - милиция! - прогнусавил противный хриплый голос.

- Не вздумайте пригласить в дом[6 - Согласно поверьям, первый вурдалак может войти в дом, только если его пригласят. Потом, правда, заходит уже беспрепятственно.], - посоветовал Круглов, снова превращаясь в волка.

Учватов, однако, проигнорировал предостережение и кинулся отворять. Прежде чем кто-либо успел его остановить, гаишник отодвинул засов. У порога стоял капитан милиции, ничем не отличающийся от сотен ему подобных.

- Позвольте войти, - глухо повторил он.

- Проваливай, гнида, - спокойно ответил Светлов, а волк-оборотень глухо зарычал.

- Товарищ капитан, - Учватов чуть не плакал от радости, - товарищ капитан, я тоже сотрудник милиции, старший лейтенант ГАИ!

- Идите сюда и представьтесь как положено! - рявкнул Катов.

- Слушаюсь! - отчеканил Учватов, вытянулся во фронт и промаршировал за порог. Однако представиться не успел.

Изо рта капитана показались длинные острые клыки, потекли слюни. Радостно завыв, он вцепился Учватову в горло. Рядом, как из-под земли, выросли три сержанта. Они нетерпеливо поскуливали, дожидаясь своей очереди.

– Возьмите хоть к себе, в вурдалаки! – проскулил умирающий гаишник.

– У нас штат укомплектован! – прохрипел окровавленной пастью Катов, оторвавшись на миг от его шеи. – Ходют тут всякие! Сержант Петренко, ваша очередь, – добавил он, насытившись и поглаживая вздувшийся живот.

Восторженно взвизгнув, вышеупомянутый сержант припал к учватовскому горлу.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Рукопись эта, к сожалению, до сих пор не найдена. Очевидно, сгорела во время очередного татарского набега. (Здесь и далее примечания автора.)

2

Как мы увидим в дальнейшем, он оказался прекрасным психологом.

3

Дурак, простак, недотепа (на блатном жаргоне.)

4

Сидели в тюрьме.

5

Убили.

6

Согласно поверьям, первый вурдалак может войти в дом, только если его пригласят. Потом, правда, заходит уже беспрепятственно.

Купить: https://telnovel.com/derevyanko_il-ya/kascheeva-mogila

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)